
Блеск и нищета самоопределения народов*

© 2021 г. Б.Н. Кашников

*Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики,
Москва, 101000, ул. Мясницкая, д. 20.*

E-mail: bkashnikov@hse.ru

Поступила 31.12.2020

Предметом анализа настоящей статьи является принцип самоопределения народов современного международного права. Принцип рассматривается как исторически, через его внутреннюю историческую трансформацию, так и логически, посредством анализа его моральной логики. Проблема, связанная с этим принципом, заключается в том, что он принадлежит одновременно трем различным сферам: политика, право и мораль, заключающим в себе различный смысл. При этом содержание смыслов часто приходит в противоречие друг с другом и происходит это различным образом на разных этапах исторической трансформации. Три основных этапа развития принципа (от Первой мировой войны до конца Второй мировой; от конца Второй мировой до распада СССР; от распада СССР по настоящее время) были последовательно этапами преимущественно политическим, правовым или моральным. Каждый из этих этапов отражал характерную иллюзию своего времени и был основан на уникальном сочетании основных смыслов, что позволяло принципу играть практическую роль. Между тем есть многочисленные свидетельства тому, что принцип оказывается несостоятелен в качестве универсального морального принципа и коллективного права, что стало наиболее очевидно на третьем этапе и выразилось в беспрецедентном политическом насилии, связанном с современными движениями самоопределения и сецессии.

Ключевые слова: принцип самоопределения народов, нация, народ, международное право, война, сецессия, международная политика, социальный выбор, деколонизация.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-77-90

Цитирование: *Кашников Б.Н.* Блеск и нищета самоопределения народов // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 77–90.

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 21-04-028) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2021–2022 гг.

The Principle of Self-Determination of Peoples High and Low^{*}

© 2021 Boris N. Kashnikov

*National Research University – Higher School of Economics,
20, Myasnitckay str., Moscow, 101000, Russian Federation.*

E-mail: bkashnikov@hse.ru

Received 31.12.2020

The subject matter of this article is the principle of Self-Determination of Peoples of the contemporary international law. The principle is scrutinized both historically through its inner historical transformation and logically, through the analysis of its inner normative logic. The problem related to this principle is that it belongs simultaneously to three realms, those of politics, law and morals, containing different meanings. These meanings often do contradict each other and it happens differently on different stages of the historical transformation. The three major stages of the development of the principle (from the First World War up to the end of the Second; from the end of the Second World war up to the demise of the Soviet Union; and from the demise of the Soviet Union up to now) were continuously the stages of predominantly political, legal and moral. Each of the stages was reflecting the characteristic illusion of its time and was founded on the unique combination of the dominant meanings of the principle, which was enabling the principle to play its practical role. At the same time there are clear indications that the principle is incapable to play its cardinal proper role of the universal moral principle when it comes to it. This becomes crystal clear at the third stage of the development and which is triggering unprecedented political violence of the contemporary movements of self-determination and secession.

Keywords: principle of self-determination, peoples, nations, international law, war, secession, international politics, social choice, decolonization.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-77-90

Citation: Khashnikov, Boris N. (2021) “The Principle of Self-Determination of Peoples High and Low”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2021), pp. 77–90.

Введение

Принцип самоопределения народов принадлежит к числу основных принципов международного права. Идея, заключенная в нем, проста: народы должны иметь возможность решать свою судьбу, подобно тому, как это должны делать отдельные индивиды. Между тем даже приверженцы этого принципа признают, что принцип основан на множестве непоследовательностей, противоречий и несоответствий. Роепсторфф отмечает: «...самоопределение остается открытым для противоречивых интерпретаций с далекоидущими последствиями для применения в международном праве и политике» [Roepstorff 2013, 1]. Я полагаю, что дело обстоит хуже, нежели неопределенность, а последствия являются тяжелыми. Принцип, созданный для решения конкретных политических задач, не работает как универсальный принцип морали и права. Противоречивость его интерпретаций является следствием не только

^{*} This research has been carried out as part of the project (No. 21-04-028) of the program “Academic Fund” of the National Research University “Higher School of Economics”.

теоретической, но и практической несостоятельности. Принципы международного права представляют собой компромисс между политическими и моральными принципами. Моральное содержание принципов международного права – это дань, которую политический интерес платит моральной добродетели. В силу этого обстоятельства политические принципы воплощаются как принципы международного права. Однако они могут оставаться в качестве таковых до тех пор, пока способны поддерживать свою моральную репутацию.

Политика в данном контексте понимается как реализация тех или иных государственных интересов, включая распределение государственной власти или действия по созданию собственного государства. Мораль – как система базисных ценностей, выраженных в нормах социально приемлемого поведения. Право – как законные основания для тех или иных требований на основе политических интересов или морали. Соответственно, правовые принципы – это реализация моральных принципов в сфере законодательства, политические принципы – реализация моральных и правовых принципов в сфере политики. Различие политических, правовых и моральных принципов относительно и определяется приоритетом в них интересов политики, права или общих моральных норм. Можно сказать, с некоторой долей приближения, что они отличаются как общие законы и подзаконные акты по их применению.

Право на самоопределение здесь понимается как перевод абстрактного принципа самоопределения в плоскость практической реализации на основе закона. В этой статье я намерен показать, что принцип самоопределения народов исчерпал себя как моральный принцип и стал излишен как принцип международного права. Неустойчивое равновесие между политикой и правом, которое содержалось в этом принципе изначально, изменилось в пользу политики за счет морали. Этzioni пишет о «зле самоопределения», основываясь на фактах, вытекающих из принципа насилия [Etzioni 1993], я же хочу показать более глубокие этические истоки этого зла. Я буду придерживаться классической формулировки принципа самоопределения народа, изложенного в общей, первой статье Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, принятых резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г: «Все народы имеют право на самоопределение, в силу которого они могут свободно устанавливать свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие»¹.

Три этапа реализации принципа самоопределения

Принцип самоопределения как принцип международного права един в трех лицах. Он выступает как политический, правовой и моральный принцип одновременно, различаясь лишь по степени выражения этих аспектов на том или ином этапе. При этом самоопределение как принцип международного права всегда представляет собой результат взаимодействия морали и политики. На протяжении трех основных этапов своего развития, принцип оборачивался одной из своих граней. Это был преимущественно политический принцип между мировыми войнами, преимущественно правовой принцип после Второй Мировой Войны и до конца распада колониальной системы, и затем моральный принцип (вернее, неудачная попытка его утверждения, которая продолжается до сих пор) после распада Советского Союза и окончания «холодной войны». При этом на каждом из этих этапов при последовательном господстве политического, юридического или морального начала, все три составляющие до некоторой степени присутствовали всегда. Моральная составляющая обеспечивала легитимацию политического. В действительности моральное содержание самоопределения всегда оставалось довольно ущербным и специальные усилия по его утверждению в 90-х гг. XX в. не дали заметных результатов и дать не могут.

Самоопределение как политический принцип. Окончание Великой войны

Хотя борьба за свободу стара как мир, термин «самоопределение» применительно к международному праву был сформулирован только в начале XX в. для решения конкретных политических задач. Принцип самоопределения был самонадеянно брошен на стол переговоров в Версале на исходе Первой мировой войны Вудро Вильсоном в качестве главного практического средства разрешения проблем переустройства Европы [Heater 1994]. Самоопределение при этом не означало ни автономии, ни даже самоуправления. В принципе самоопределения содержалась лишь прагматическая мысль о предоставлении минимального права выбора освободившимся от власти Австрийской, Российской, Германской и Османской империй народов. Строго говоря, они могли и не делать никакого выбора, отказ от выбора это тоже выбор. Но и выбор не означал самоуправления. При переустройстве Европы речь шла о самоопределении как общем понятии, но не о конкретном праве на самоуправление и, тем более, не о суверенитете. Кому давать, а кому не давать право, победители решали сами. Они, правда, считали своим долгом узнать пожелания клиентов, но не всегда могли их удовлетворить. Колониальные народы, включая колонии самих США, не удостоивались даже и этого счастья. План Вильсона никак не распространялся на колониальные территории.

Что касается достаточно развитых европейских народов, их мнение имело значение, но не шло дальше пожеланий. Фактическое определение их политического статуса принадлежало участникам Версальской конференции победителей. В этой раздаче были свои счастливицы, были обиженные. Польша, посредством поддержки стран Антанты и влиятельного лобби в США, смогла удовлетворить свои вековые чаяния и восстановить государственность. Иные самоуправляемые государственные образования, например Галиция, входившая в состав Королевства Галиции и Лодомерии, как коронной земли Австро-Венгрии до ее распада в 1918 г., не удостоились такой чести и исчезли как административные государственные единицы. Никаких строгих критериев, кроме политического интереса, а иногда произвола, в этом распределении суверенитета не было. С точки зрения Вильсона, на месте европейских империй должны были появиться либеральные национальные государства и демократические автономии. В Европе наступит не только эпоха свободы и процветания, но и осуществится поддерживаемый США вечный мир, поскольку либерально-демократические державы, покровительствуемые США, не будут между собой воевать.

Вариант, предложенный В.И. Лениным примерно в то же время, был куда более радикальным. В 1914 г. (то есть в самом начале Первой мировой войны) им была опубликована статья «О праве наций на самоопределение», появившаяся в контексте продолжительных дискуссий внутри международного марксистского движения. Все без исключения малые и большие нации должны были получить действительное право на самоопределение вплоть до образования новых государств. Очевидный смысл этого предложения следует связывать с курсом на мировую революцию, и он заключался в разрушении буржуазного мирового порядка. В условиях коммунизма народам нечего делить, и они могут устроить свою национальную судьбу вполне свободно и счастливо. Вот почему полное право на отделение должно было стать лозунгом дня. «Признание права на отделение за всеми; оценка каждого конкретного вопроса об отделении с точки зрения, устраняющей всякое неравноправие, всякие привилегии, всякую исключительность» [Ленин web]. Такое предположение было иллюзией, хотя в логике коммунистов идея Ленина была безупречна. Действительно, мировая революция требует разрушения буржуазной системы суверенных государств. СНК РСФСР в 1917 г., вскоре после Октябрьского переворота, принял «Декларацию прав народов России», которая стала первым официальным выражением советской теории самоопределения народов.

Мировое сообщество не могло принять предложение Ленина, но даже и предложение Вильсона было принято с большими оговорками и немалыми опасениями. Принцип

самоопределения сыграл заметную роль в государственном переустройстве послевоенной Европы, но только в качестве принципа. Предложение придать статус права этому политическому принципу и закрепить его в уставе Лиги Наций не было принято. Принцип самоопределения остался на этом этапе практически политическим, а не правовым принципом, разве что в весьма малой степени. Даже это вызывало опасения, поскольку представлялось возможным, что движение в сторону самоопределения на этом не закончится. Критика идеи самоопределения раздавалась и в окружения Вильсона. Государственный секретарь Р. Лансинг не скрывал своего отрицательного отношения к идее, полагая, что она «загружена динамитом» и народы, получив такую возможность, не замедлят довести ее до абсурда. Как мы смогли убедиться, он был близок к истине.

Самоопределение как коллективное право народов. После Второй мировой войны

При всей своей ограниченности принцип самоопределения оказал воздействие на народы зависимых и колониальных стран. Сразу после окончания Второй мировой войны эти народы пришли в движение. Они требовали равенства с другими народами и независимости от метрополий. Разумеется, не весь народ, но исключительно элита, вознамерившаяся сменить колониальную администрацию, стояла во главе этих движений. Представители народов единодушно добивались юридического оформления своих требований посредством международного права и посредством оружия. С усилением роли представителей народов третьего мира в Генеральной Ассамблее ООН, вскоре после Второй мировой войны, право на самоопределение находило все большее закрепление в основных документах международного права. Многолетние усилия африканских, арабских, южноазиатских и латиноамериканских делегаций, направленных на провозглашение самоопределения в качестве коллективного права, подкрепленные последовательной вооруженной борьбой, увенчались успехом. Я отмечу лишь несколько основных этапов последовательного юридического закрепления этого вождельного права. Прежде всего в самом Уставе ООН мы находим указание на принцип самоопределения. В 1960 г. Генеральная Ассамблея приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Декларация закрепляла право на самоопределение за всеми колониальными народами. Тем самым колониальная система лишалась моральной легитимности. Наконец, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятые Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г., окончательно закрепили это право. В дальнейшем право на самоопределение многократно было использовано как в решениях Международного суда (подчас неопределенных и половинчатых), так и в отдельных резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН. Следует заметить, что право на самоопределение закреплялось только за колонизированными народами и специально оговаривалось, что это право не распространяется ни на какие иные народы, кроме колониальных и зависимых². Это обстоятельство было определено как «тест соленой воды», смысл которого заключался в том, чтобы подтвердить, что только те территории, которые значительно удалены, и только те, которые имеют существенное культурное и этническое отличие, могут рассчитывать обрести независимость. Разумеется, такая оговорка была в высшей степени сомнительной с точки зрения морали.

Несмотря на впечатляющие успехи антиколониального движения, есть большие сомнения относительно морального основания права самоопределения даже на этом раннем этапе. Как мы помним, право внутренне не оторвано от политики и морали и включает их в той или иной степени. В действительности в самом этом праве доминировал скорее политический, чем морально универсальный смысл. Право на самоопределение получили народы в очень специфическом территориальном смысле. При чем в отличие от первого этапа, связанного с Лигой Наций, под народом теперь

понималась административно-территориальная общность в границах прежней колонии, но отнюдь не этническая группа и не нация. Иными словами, прежние произвольные границы территориальных владений не менялись и заложенный в них моральный произвол сохранялся. Этот принцип получил название *uti possidetis juris*, что означает, что вновь возникающие независимые государства должны были оставаться в рамках прежних произвольных колониальных границ. Условность этого принципа проявилась также и в том, что право распространялось отнюдь не на все зависимые и угнетенные народы, но исключительно на народы колоний. Этот народ должен быть существенно отличен от народа метрополии по своей культуре, языку и ценностям. Соответственно этим правом не могли воспользоваться, например, народы Советского Союза, включая даже и Балтийские страны, заявлявшие о насильственном характере своего присоединения к СССР. Не могли им воспользоваться и каталонцы в Испании по причине того, что они достаточно близки по культуре остальному населению Испании и не отделены от метрополии морскими просторами.

Наконец, провозглашение этого принципа имело очевидно вынужденный характер и явилось следствием сочетания нескольких основных политических факторов. Прежде всего, это вооруженная борьба народов третьего мира за государственный суверенитет и независимость. Второе – это позиция Советского Союза, решительно поддерживавшего возникшие после Второй мировой войны освободительные движения, и в целом ситуация баланса сил на мировой арене, которая позволила странам третьего мира вырваться из колониальной зависимости. Немаловажную роль сыграла и поддержка антиколониального движения Соединенными Штатами, стремившимися открыть свободный доступ на рынки колоний своих союзников Великобритании и Франции, заодно их геополитически ослабляя и более тесно привязывая к своей колеснице. Наконец, это позиция самих ведущих колониальных держав, которые осознали бесперспективность попыток удержания колоний в условиях растущего противостояния с Советским Союзом и решили обратить фактор освободительных движений в свою пользу. Но моральная ценность этой новой свободы была весьма сомнительной. В ряде вновь возникших государств с удвоенным рвением приступили к подавлению свободы и коллективных прав народов, имевших несчастье оказаться на вверенной им территории, а элита этих новых государств по степени своей коррумпированности и жестокости могла дать фору любой колониальной администрации. Таким образом, те, кто связывал надежды на принцип самоопределения в этом новом его воплощении, остались разочарованы. С распадом Советского Союза эта история повторилась хотя и несколько иначе.

Самоопределение и моральное оправдание сецессии. После распада СССР до наших дней

Процесс деколонизации в основном был завершён к середине 1970-х гг. Сохранившиеся до наших дней зависимые территории, по всей вероятности, самоопределились в пользу своего зависимого состояния. По этой причине вопрос о самоопределении начиная с конца 1970-х гг. стал приобретать более конкретный и прямолинейный характер. Хотя колоний не осталось, остался принцип международного права, имевший существенный моральный потенциал, и многие неколониальные народы стали последовательно заявлять о своем праве на самоопределение в форме государственного суверенитета. Речь шла уже не в самоопределении прежних колоний, но о самоопределении всех, кто считает себя народом. В том же самом направлении работал и другой процесс, начавшийся в 1990-х гг., а именно процесс демократизации. Процессы демократизации и самоопределения во многом совпадают. В условиях демократии территориальная автономия не является проблемой, если большинство проживающего на этой территории населения ее желает. Борьба за автономию часто совпадает с борьбой за демократию. В случае если демократическое устройство становится преобладающим, это одновременно смягчает и усиливает проблему самоопределения. Смягчает

в том смысле, что, добившись демократии, можно уже не бороться за суверенитет в форме культурной автономии⁵. Усиливает в том смысле, что самоопределение в форме только культурной или административной автономии может быть недостаточным для самоопределяющегося народа. Территориальная автономия, как правило, становится трамплином для полного государственного суверенитета. Те, кто желал автономии, могут потребовать полного политического отделения. Те государства, на территории которых имеются народы, требующие автономии, могут воспринимать требование автономии как шаг к полной независимости. До начала 1990-х гг. существовало некоторое международно-правовое «табу» на перекройку сложившихся грани, которое проистекало из общего нежелания противоборствующих систем открывать ящик Пандоры и наличия негласного джентльменского соглашения супердержав. После распада Советского Союза дьявол сецессии сорвался с цепи [Аугес 2000]. Можно утверждать, что югославский кризис прозвучал как погребальный колокол по прежнему пониманию принципа самоопределения народов, а опрометчивое признание государственной независимости Косово означало односторонний выход из прежнего режима нерушимости границ странами Запада.

Начиная с 1990-х гг. принцип самоопределения, выступая под флагом морали, показал свой истинный нрав. По всему миру прокатились мощные движения политической сецессии, быстро перерастающие в войны. На этом этапе стало очевидным противоречие между политическим и моральным содержанием принципа самоопределения. Политическое содержание в конечном счете есть содержание, основанное на страхе и/или желании доминировать. Это устремление имеет в своей основе групповой эгоизм, который всегда паразитирует на нравственности и прикрывается этическим лозунгами. Обман становится очевидным, когда победители удовлетворяют самоопределение одних за счет других, а получившие свободу народы начинают попираť свободу других народов, волею случая оказавшихся на их суверенной территории [Кашников 2002]. До тех пор пока принцип остается политическим, его моральная составляющая остается безнадежно абстрактной, он боится конкретизации, поскольку моральная несостоятельность обнаруживается именно при переходе от абстрактного к конкретному. Неопределенность и общий характер дают простор для необходимого политического маневра. Нравственный принцип является нравственным, только если удовлетворены условия всеобщности, практической осуществимости, публичности и конкретности. В этом случае принцип должен быть конкретизируемым без угрозы противоречия иным частным конкретизациям этого принципа и иным моральным принципам, например, принципу нерушимости суверенных границ. Проблема заключается именно в том, что принцип самоопределения неизменно противоречит самому себе и иным принципам международного права, как только он начинает применяться как конкретный, а не абстрактный принцип. Опускаясь на уровень конкретного, общий принцип самоопределения неизменно проявляет себя как политический принцип, противоречащий всеобщему смыслу морали и права, точно так же как это происходит, например, с принципами справедливой войны [Кашников 2019]. Может ли вообще принцип самоопределения быть применен вне контекста военной победы или деколонизации? Многие отвечают на этот вопрос негативно. Марк Веллер, например, пишет: «Вообще игра по принципу “все или ничего”, присущая самоопределению, способствовала поддержанию конфликтов, а не их разрешению» [Weller 2008, 19]. Те, кто склонен позитивно оценивать перспективы самоопределения, должны предложить серьезные поправки к праву самоопределения, поправки такого рода, которые ставят принцип на иные рельсы, на рельсы моральной универсальности. Возникшие с 1990-х гг., как грибы после дождя, этические теории сецессии представляют собой усилия в этом направлении.

Теории справедливой сецессии

Между 1947 и 1991 гг. имел место только один случай односторонней сецессии в мире (Бангладеш). В это героическое время супердержавы ревниво придерживались принципа нерушимости границ. Но с 1991 г. начался процесс дезинтеграции многих государств: СССР, Югославия, Чехословакия, Эфиопия. Процесс на этом не закончился, поскольку многие вновь образовавшиеся государства являются столь же многонациональными, как и те, из которых они вышли. Этот процесс не ограничен только бывшими коммунистическими странами. Существуют многочисленные движения сецессии по всему миру, не исключая Европу и Америку: Квебек, Северная Ирландия, Фландрия, Каталония, Страна Басков, Палестина, Судан, Шри-Ланка, Кашмир и Пенджаб, Курдистан [Moore 1998, 1]. Международное право не поощряет, но и не запрещает сецессию. Конечным критерием правильности этого предприятия является эффективность последующего развития. Вот почему можно быть уверенным, что Крым навсегда останется в составе России, если Россия останется достаточно сильной. Мы никогда не можем знать заранее, какой принцип следует предпочесть в каждом конкретном случае: принцип самоопределения или принцип территориальной целостности. «В современном международном праве не существует *ex ante* метапринципа, позволяющего делать выбор между двумя принципами» [Teson 2016, 8]. Право на самоопределение не является, строго говоря, правом сецессии. Но оно создает условия сецессии, с надеждой на последующее отпущение грехов в связи с эффективным развитием. Тем не менее такое положение дел, реализуя право одних, может создавать бесправие других. С начала 1990-х гг., когда сецессия стала приобретать лавинообразный характер, были сделаны теоретические усилия, чтобы найти моральные оправдания сецессии и вернуть этот процесс в рамки права. Возникшие в 1990-е гг. этические теории сецессии можно понимать одновременно и как способ оправдания сепаратистских практик, и как способ определения будущих принципов международного права.

Компенсаторная теория

Начало этическому теоретизированию по поводу сецессии было положено Аленом Бьюкененом [Buchanan 2004]. Бьюкенен выступил как основоположник одной из теорий этической сецессии, которая получила название компенсаторной теории и привлекла немало сторонников [Norman 1998]. Политический развод может быть морально оправдан, но именно оправдан, а не гарантирован. Сецессия может быть лишь следствием попрания прав того или иного народа и является скорее наказанием для гонителей этого народа, нежели наградой для гонимого народа. Бьюкенен решительно обрубил почти все исторические корни самоопределения. Самоопределение, по его мнению, не имеет никакого отношения ни к демократии, ни к национализму. Оно не представляет собой социальный выбор. Этой теории не очень нужен даже народ, его цели или средства. По сути эта теория является идеализированным случаем американской Декларации независимости. Любая группа людей, чьи права оказались нарушены по надуманной или реальной причине, может быть названа народом и наделена суверенитетом. Для таких энергичных действий нужен международный полицейский, которого Бьюкенен очевидно угадывает в США. Неслучайно Бьюкенен одновременно развивал и идею гуманитарной интервенции, дополнением которой и являлась его концепция самоопределения.

Очевидные несоответствия этой теории заключаются в том, что большинство реальных движений сецессии происходят вовсе не по причине нарушения права человека, а по причинам куда более глубоким, связанным с тоской по национальной идентичности, которая не утоляется возможностью петь в самодеятельном национальном хоре. Самоопределение может стремиться к полному национальному суверенитету часто без всякой иной цели, как, по выражению Достоевского, чтобы только «по своей

глупой воле пожить». В этом случае народ стремится к самоопределению для того, чтобы им управляли «такие же парни, как я». Обрубая исторические корни самоопределения, Бьюкенен попросту кастрирует самоопределение. Одновременно он вводит какую-то подозрительную градацию народов, деля их на обиженные, нейтральные и «те, что право имеют». Такая классификация имеет искусственный характер и вряд ли может соответствовать таким понятиям, как национальная гордость или самосознание. Наконец, такая конструкция нежизнеспособна, если нет «мирового жандарма». А если он есть, то народы могут просто провоцировать насилие со стороны суверенного государства с единственной целью – вызвать праведный гнев мирового жандарма, как это и случилось в Косово.

Националистическая теория

Националистические теории должны были исправить недостатки компенсаторной теории и в них содержится почти все то, чего нет в компенсаторной теории, включая пресловутые «исторические корни». Строго говоря, почти все аргументы националистической теории сецессии содержатся уже в знаменитом монологе Шатова в романе Достоевского «Бесы». Шатов утверждает, что у каждого великого народа есть и необходимо должен быть свой Бог, которому этот народ служит и не служить не может. Действительно, «националисты» утверждают, что сецессия может быть морально оправдана исключительно для наций в подлинном смысле этого слова, но не для всякой группы, обиженных или не обиженных другими народами [Miller 1995; Nielsen 1998]. Разумеется, здесь возникает много вопросов, главный из которых заключается в определении нации. Представители этого направления обычно дают характеристику нации и объясняют, почему суверенитет должен быть национальным и никаким иным. Раз и Магдалит, например, в своей известной статье, дали длинный список основных характеристик наций как носителей ответственного суверенитета [Margalit and Raz 1990]. Всякий раз, когда мы можем поставить галочки на всех, или почти всех, пунктах этого длинного списка, мы можем быть уверены, что перед нами нация, для которой показан суверенитет.

Проблема заключается в том, что современная политическая теория почти однозначно рассматривает нацию как субъективное образование, сводящееся к воле образующих ее людей и сохраняющуюся лишь до тех пор, пока поддерживается ежедневный плебисцит в пользу ее сохранения. Именно так понимает нацию Эрнст Гелнер [Gellner 1983]. Еще более субъективистской является теория Андерсона [Anderson 1983]. Бенедикт Андерсон назвал нации «воображаемыми сообществами». Но если это так, то нации ничем существенно не отличаются от других воображаемых сообществ. Все зависит от фантазии участников. Даже если некая группа, будь она территориальная, административная, культурная, религиозная или любая другая, не считает себя нацией, или даже группой, завтра она может придумать для себя национальный миф и начать говорить на языке, специально созданном для этого случая. Наконец, есть техническая проблема. На Земле существуют примерно 5000 групп, которые в силу диалекта, культуры или религии могут не без основания считать себя нацией. Только в кошмарном сне мы можем представить, что все они вдруг разом потребовали прав самоопределения.

Демократическая теория

Представители этого направления стараются учесть очевидные тупики националистического направления. Демократические теории сецессии часто называют также теориями социального выбора. Они обыкновенно выступают наиболее радикальными сторонниками не просто права на самоопределение, но именно права на сецессию, но при этом лишают процесс самоопределения всякой националистической экзальтации. Сецессия есть не более чем демократическая процедура, и любая группа, национальная

или нет, может ею воспользоваться, разумеется, только в условиях демократии. Демократия есть всеобщее светлое будущее человечества, а потому вскоре все проблемы сецессии будут разрешаться переговорами, референдумами и компромиссами [Philpott 1995]. Наиболее детальная из этих теорий представлена, пожалуй, в книге Велмана [Wellman 2005]. Сецессия для него возможна в том и только том случае, когда отделимая территория может компенсировать государству, от которого отделяется, все неудобства, связанные с сецессией, и не составляет угрозы для отправления основных функций этого государства. Подобный уровень коллективной рациональности представляется мне недостижимым, хотя если он будет достигнут, действительно, самоопределение, как, впрочем, и многие другие современные социальные проблемы будут полностью преодолены. Но современный смысл демократии заключается помимо всего прочего в толерантности и мультикультурности. По этой причине трудно представить современное общество, которое будет постоянно находиться под угрозой бесконечного дробления. Наконец, народы могут просто шантажировать другие народы своим возможным отделением.

Прологомены ко всякой будущей моральной теории самоопределения

Рамки настоящей статьи не позволяют мне более подробно останавливаться на критике теорий справедливой сецессии или самоопределения. Их общим недостатком является недостаток морально-прагматический. Они в равной степени неосуществимы как моральная максима и не могут лечь в основу международного права. Существуют три неразрешимые проблемы, которые не позволяют надеяться на превращение сецессии в принцип международных отношений. Для того чтобы некоторый политический принцип стал принципом международного права, он должен быть, как я уже заметил, в достаточной степени принципом моральным. В частности, если самоопределение становится международным правом, мы должны иметь возможность определить соответствующие обязанности других народов и международных институтов, которые из этих прав вытекают и без которых, как это происходит сейчас, эти права превращаются в фикцию. Для того чтобы проделать это по отношению к самоопределению, мы должны решить по меньшей мере три проблемы:

1. Определить, что есть народ. То есть субъект самоопределения.
2. Сформулировать необходимое соотношение целей и средств. То есть определить допустимые средства и цели самоопределения.
3. Определить агентов самоопределения. То есть определить, кто именно может судить, что есть народ, каковы доступные для него средства и при каких обстоятельствах это право вступает в силу.

Существуют очень серьезные препятствия на пути осуществления всех этих трех условий. Эти препятствия настолько серьезны, что я не вижу возможности их разрешить.

Кто есть народ

Кто является народом, или субъектом самоопределения? Стандартным обвинением всякого нового движения самоопределения является указание на то, что те или иные люди не являются народом. Такое обвинение было, в частности, выдвинуто Украиной Крыму. Из того, что было изложено выше, следует, что под народом при разных обстоятельствах понималось и может пониматься следующее: нация, группа, проживающая на определенной административной территории, или любая вообще группа, осознающая единство своих интересов. Все эти три определения в равной степени возможны, но ни одно из них не имеет преимуществ по сравнению с другим. Причина этого парадокса заключается в том, что народа, как и личности, строго говоря, не существует до тех пор, пока он (народ) не определился. По этой причине теории самоопределения обыкновенно запрягают телегу впереди лошади. Народом может

стать любая группа не связанных между собой людей, если, к примеру, они почувствуют угрозу массового убийства со стороны определенных сил. Одновременно и возможность массового безнаказанного убийства другого народа тоже является достаточной причиной возникновения народа, и часто диктаторы специально связывают свой народ кровью, создавая тем самым коллективную ответственность. Эти два процесса одновременно имели место по отношению к племенам хуту и тутси в Руанде и одновременно стали основанием возникновения двух разных народов, которые до того не осознавали свое племенное различие как несовместимое в единой общности. Самоопределение обыкновенно происходит несмотря и независимо от права. Но самое главное – это то, что не существует объективного критерия для определения народа.

Континуум целей и средств права на самоопределение

Самоопределение, если оно не поставлено в определенные нормативные рамки, равнозначно праву войны. В настоящее время в мире имеют место 26 вооруженных конфликтов самоопределения. Некоторые из них протекают на уровне насилия иррегулярных воинских формирований и террористических групп, некоторые принимают форму регулярной войны государств. Сепаратисты контролируют значительные территории. В дополнение к этим активным конфликтам имеется еще 55 или около активных кампаний по самоопределению, которые в любой момент могут перейти в состояние вооруженного конфликта. 15 конфликтов считаются замороженными, но потенциально опасными [Roepstorff 2013, 50]. Более новые данные приводит Каннингэм: «В мире существуют не менее 150 наций без своего государства, стремящихся к большей степени самоопределения» [Cunningham 2020, 2]. Далее в той же книге она отмечает, что имеются 150 групп в мире, стремящихся к самоопределению, из которых не менее половины вовлечены в гражданскую войну [ibid., 14]. Если право самоопределения провозглашено и не прописаны достаточные механизмы реализации, мы получаем две крайние позиции и множество промежуточных вариантов. Во-первых, это позиция тех, кто, обладая достаточной решимостью, реализует это право посредством насильственных действий, и тех, кто, не обладая достаточной решимостью к действию, тем не менее считает себя ущемленным. Первое осуществляется в многочисленных войнах самоопределения и сецессии. Второе выражено Достоевским в «Идиоте» в отношении Антипа Бурдовского: «Напротив, полное тупое упоение собственным правом и в то же время нечто доходившее до странной, непрерывной потребности быть и чувствовать себя постоянно обиженным». Возможны целые группы, испытывающие «комплекс Бурдовского», как следствие широко провозглашенного и ничем не подкрепленного права на самоопределение.

Та критика «индивидуалистического языка изолированного права», которую мы находим в политической философии коммунитаризма, весьма точно характеризует положение дел в этой области. Например, МакИнтайр сравнивает либеральную веру в права человека с верой в ведьм и единорогов и утверждает: «...все попытки рационализации веры в эти права провалились» [MacIntyre 1981, 67]. Это тем более верно для коллективных прав и тем более для международного права. Право может существовать только в рамках общностей, где уже есть устойчивые моральные практики, а не наоборот. Мы не можем создать мораль посредством декретирования прав. Самоопределение, если только в нем есть какой-то моральный смысл, требует уважения других народов. Но право самоопределения само по себе часто противоположно уважению других, поскольку предполагает противопоставление их желаниям. Требуя самоопределения как права, народ нередко обрекает себя на противостояние и даже войну. Вот почему в современных условиях язык права применительно к самоопределению бесперспективен. В то же время вряд ли возможно запретить тому или иному народу решать свою судьбу. Тупиловый характер самоопределения очевиден во многих случаях. Как пишет феминистка Айрис Янг, «эта парадигма самоопределения направляла много политических событий и международных вмешательств [...]». Тем не менее, там,

где группы с конфликтными устремлениями и исключаящими территориальными суверенитетами существуют бок о бок на этой территории, как в Республике Северной Ирландии или в бывшей Югославии, следование этой парадигме ведет к несправедливости и бесконечным циклам насилия» [Young 2007, 58]. Янг видит решение проблемы в ненасильственном самоопределении посредством парадигмы «отсутствия доминанции», которую она противопоставляет «парадигме невмешательства». Это может до некоторой степени решить проблему насилия, связанную с диалектикой целей и средств, но недостаточно для решения других обозначенных проблем.

Агенты самоопределения

Описанные выше теории справедливой сецессии исходят из одного общего эсхатологического заблуждения о конце истории, сформулированного в свое время Фукуямой [Фукуяма 2009]. Многие полагают, что начиная с 1990-х гг. появился универсальный моральный агент самоопределения в виде доброй воли большинства миролюбивых и демократических государств. Но даже если они и не проявят добрую волю, существует универсальная моральная политическая воля США как единственной супердержавы. Все теории справедливой сецессии имплицитно исходят из того, что именно Америка в конце концов и будет решать, кому следует получить суверенитет и сколько. Между тем мы вновь возвращаемся к многополярному миру. Вот почему вопрос о распределении суверенитетов будет решаться различными международными агентами и в первую очередь супердержавами, обладающими «суперсуверенитетом». Последние не чужды моральным соображениям, но эти соображения могут настолько существенно различаться, что моральность одной супердержавы рискует показаться полным отсутствием морали для другой. Так было в случае с Косово, так было в случае с Крымом [Espinosa 2017]. Таковой и будет в ближайшей перспективе международная мораль. Власть супердержав вносит существенные правки в нормативное международное право в том, что касается самоопределения. Стейро вынуждена признать: «Право на внешнее самоопределение существует в той мере, которая задается великими державами. Народ обретет независимое государство посредством самоопределения, если этот результат будет одобрен великими державами» [Steiro 2013, 22]. Однако это результат не является столь определенным, как это может показаться тем, кто придерживается наивных иллюзий однозначной политической морали.

Заключение

В заключение мне остается только сделать общий вывод из вышеприведенного рассуждения. Право самоопределения народов, созданное для решения конкретных политических проблем деколонизации, становится излишним и опасным за пределами этой исторической парадигмы. За ее пределами принцип самоопределения оказывается узким политическим принципом, посредством которого политические игроки решают свои проблемы, не имеющие ничего общего с моральной универсальностью. Это не означает, что принцип самоопределения надо непременно отменять или полностью забыть. Его можно уважительно оставить в покое как музейный экспонат и дань колониальному прошлому. Этот принцип внезапно пришел в международное право и может незаметно уйти. Есть более глубокие права, которые не требуют юридической имплементации, но которые не могут быть игнорируемы, поскольку они являются моральными принципами. Это право народа на существование и право народа на сопротивление. В своем нынешнем состоянии принцип самоопределения не столько помогает, сколько мешает осуществлению этих прав. В теоретическом плане он замешан на наивных и взаимоисключающих идеологических иллюзиях XX в. В практическом плане он рождает завышенные ожидания и ведет к террористическому насилию.

Примечания

¹ См. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml и https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml

² Резолюция Совета Безопасности ООН 1514(XV), которая впервые закрепила принцип самоопределения в классическом понимании, специально оговаривала, что всякая попытка частичного или полного нарушения территориального единства несовместима с целью и принципами Хартии ООН.

³ Именно в этом заключался ответ Конституционного суда Канады на требование Квебека о праве на самоопределение в форме суверенного государства.

Источники – Primary Sources

Anderson, Benedict (1983) *Imagined Communities*, Verso, London and New York.
Gellner, Ernst (1983) *Nations and Nationalism*, Cornell University Press, Ithaca, NY.
MacIntyre, Alysdiere (1981) *After Virtue: A Study in Moral Theory*, Duckworth, London.
Margalit, Avishai and Raz, Joseph (1990) “National Self-Determination”, *The Journal of Philosophy*, Vol. 87 (9), pp. 439–461.

Ссылки – References in Russian

Ленин web – Ленин В.И. О праве наций на самоопределение. URL: <http://tevolucia.ru/pravonac.htm>

Кашников 2002 – Кашников Б.Н. Вмешательство НАТО в косовский кризис. Чья справедливость? // Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры / Под ред. Б. Коппитиерса, Ника Фоушина, Рубена Апресяна. М.: Гардарики, 2002. С. 294–315.

Кашников 2019 – Кашников Б.Н. Теория справедливой войны. Критика основных начал // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 2. С. 152–168.

Фукуяма 2009 – Фукуяма Ф. Конец истории или последний человек. М.: АСТ, 2009.

References

Ayres, William (2000) “A World Flying Apart? Violent Nationalist Conflict and the End of the Cold War”, *Journal of Peace Research*, Vol. 37, No. 1, pp. 105–117.

Buchanan, Allen (2004) *Justice, Legitimacy, and Self-Determination*, Oxford University Press, Oxford.

Cunningham, Kathleen G. (2020) *Inside the Politics of Self-Determination*, Oxford University Press, Oxford.

Espinosa, Juan F.E. (2017) *Self-Determination and Humanitarian Secession in International Law of a Globalized World Kosovo v. Crimea*, Springer, Cham.

Etzioni, Amitai (1993) “The Evils of Self-Determination”, *Foreign Policy*, Vol. 89, pp. 21–35.

Fukuyama, Francis (1992) *The End of History and the Last Man*. Free Press (Russian translation).

Heater, Derek (1994) *National Self-Determination. Woodrow Wilson and his Legacy*, Macmillan Press, Basingstoke.

Kashnikov, Boris (2002) “NATO Intervention in Kosovo Crisis. Who’s Justice?”, Coppieters, Bruno, Fotion, Nick, eds., *Moral Constraints on War. Principles and Cases*, Lexington Books, Lanham, MD, pp. 219–237 (in Russian).

Kashnikov, Boris (2019) “The Just War Theory. The Critique of the Foundations”, *Ethical Thought*, Vol. 19, No. 2, pp. 152–168 (in Russian).

Lenin, Vladimir I. (web) *The Right of Nations to Self-Determination*, URL: <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1914/self-det/> (in Russian).

Miller, David (1995) *On Nationality*, Oxford University Press, Oxford.

Moore, Margaret (1998) “Introduction”, Moor, Margaret, ed., *National Self-Determination and Secession*, Oxford University Press, Oxford, pp. 1–13.

Nielsen, Kai (1998) “Liberal Nationalism and Secession”, Moor, Margaret, ed., *National Self-Determination and Secession*, Oxford University Press, Oxford, pp. 103–134.

Norman, Wayne (1998) “The Ethics of Secession as the Regulation of Secessionist Politics”, Moor, Margaret, ed., *National Self-Determination and Secession*, Oxford University Press, Oxford, pp. 34–62.

Philpott, Daniel (1995) “A Defense of Self-Determination”, *Ethics*, Vol. 105 (2), pp. 352–385.

Roepstorff, Kristina (2013) *The Politics of Self-Determination. Beyond Decolonization Process*, Routledge, London, New York.

Steiro, Milena (2013) *The Right to Self-Determination under International Law. "Selfistans", Secession, and the Rule of the Great Powers*, Routledge, London, New York.

Teson, Fernando R. (2016) "Introduction", Teson, Fernando R., ed., *A Theory of Self-Determination (ASIL Studies in International Legal Theory)*, Cambridge University Press, Cambridge.

Weller, Marc (2008) *Escaping Self-Determination Trap*, Martinus Nijhoff Publishers, Leiden, Boston.

Wellman, Cristopher (2005) *A Theory of Secession*, Cambridge University Press, Cambridge.

Young, Iris M. (2007) *Global Challenges. War, Self-Determination and Responsibility for Justice*, Polity Press, Cambridge.

Сведения об авторе

КАШНИКОВ Борис Николаевич –
доктор философских наук, профессор
школы философии Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики».

Author's Information

KASHNIKOV Boris N. –
DSc in Philosophy, Professor
at National Research University
"Higher School of Economics".